

Идеи И. П. Павлова в контексте политической психологии

Иван Петрович Павлов (14/26.09.1849 – 27.02.1936)

В 1875 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета,

в 1879 г. – Медико-хирургическую академию (впоследствии Военно-медицинскую академию, ВМА). Получил диплом лекаря с отличием.

В 1883 г. защитил диссертационную работу «Центробежные нервы сердца».

В 1884 г. избран Конференцией ВМА приват-доцентом по кафедре физиологии.

С 1885 по 1886 г. работал в Лейпциге, в Физиологическом институте К. Людвиг.

В 1890 г. избран профессором на кафедру фармакологии ВМА.

В 1891 г. возглавил физиологический отдел Института экспериментальной медицины (ИЭМ).

В 1902 г. ввел в понятие «условный рефлекс».

В октябре 1904 г. Павлову присуждена Нобелевская премия (первому среди ученых России) за работы по физиологии пищеварения.

В 1906 г. начато исследование роли различных отделов головного мозга в условнорефлекторной деятельности. Единогласно избран председателем Общества русских врачей.

В 1923 г. увидел свет знаменитый труд «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных».

Известная крылатая фраза «Пророков нет в Отечестве своем» менее всего применима к Ивану Петровичу Павлову – гению русской науки.

Продолженное им вслед за И. М. Сеченовым объективное изучение высшей нервной (психической) деятельности животных и человека стало поворотным пунктом, задавшим вектор дальнейшего развития современной физиологии, биологии, медицины, психиатрии, психологии. Неоценим вклад Павлова и в понимание психолого-политических явлений.

Выход И. П. Павлова на такие **узловые проблемы политической психологии, как адекватность мышления, формирование культуры, политическая психолингвистика, устойчивость к воздействию информационных фантомов**, вполне закономерен. Наука не была для И. П. Павлова кабинетной деятельностью. Скорее, вся его жизнь была грандиозным экспериментом, принесенным на алтарь науки.

Огромное значение для политической психологии имеет разработанная Павловым **теория сигнальных систем**. Понятие «сигнальные системы» было введено им в 1932 году для того, чтобы описать, как ориентируются животные на признаки окружающей среды. Павлов выделил две сигнальные системы. **Первую сигнальную систему составляют нервные связи, лежащие в основе чувственного познания. Вторую сигнальную систему представляют связи, лежащие в основе отвлеченного мышления.**

Какие же сигналы управляют поведением человека? **Первый класс сигналов задается, условно говоря, генетически.** Ребенок появляется на свет с уже сформированным набором безусловных рефлексов (глотательный, сосательный, чихание, сужение зрачков под действием света, подергива-

ние кожей и др.) – первичных регуляторов поведения. Этот наследственный фонд пополняется по мере морфологического и функционального созревания нервной, эндокринной и других систем. Так появляются, например, половые рефлексы. Безусловные рефлексы одинаковы для всех представителей каждого биологического вида.

Особый интерес для политического психолога представляют сложные безусловные рефлексы – инстинкты, которые включают в себя целые комплексы четко скоординированных движений, поз, звуков, кожных реакций. Генетически заданными сигналами, запускающими инстинктивное поведение, могут быть как изменения внутренней среды организма (голод, жажда, боль), так и определенные сигналы внешней среды (физические признаки людей, животных, растений, объектов неживой природы, их пространственные отношения). Интересно, что **реакция организма на эти «пусковые» сигналы не зависит ни от индивидуального опыта, ни от кратковременных изменений во внешней среде.** Применительно к человеку инстинкты пристально изучают не только этологи и зоопсихологи, но и специалисты по ведению психологических войн, имиджмейкеры, создатели рекламы и другие «творцы» общественного сознания.

Центром внимания, безусловно, является инстинкт самосохранения. «*Что такое жизнь? – спрашивал И. П. Павлов. – Если стоять на фактической стороне дела, то придется выразиться до некоторой степени забавно. Жизнь есть сохранение жизни. На это уходит вся деятельность животного. Животное удаляется от того, что может принести ему вред, и стремится к тому, что обеспечит ему благосостояние. И мы знаем, что такая деятельность животного основана на меха-*

низме нервных связей. Надо признать, как мы ни гордимся своим венценосным положением в природе, что и наша жизнь переполнена рефлексам и инстинктами, и надо признать, что значение этого гораздо больше, чем мы предполагаем».¹

Оборонные заводы, строительные компании, производители товаров легкой промышленности, охранные фирмы, страховые фонды и банки, образовательные, медицинские учреждения, частные астрологи, хироманты, гадалы и многие другие **торгуют уверенностью человека в завтрашнем дне**, то есть его самосохранением. **Эксплуатация инстинктов продления рода и сохранения вида** (заботы о потомстве) **наглядно демонстрируется всей современной рекламой**.

Инстинкты являются отправной точкой для формирования массовой культуры, самым древним и притягательным инструментом политиков и пиарщиков. Как писал другой известный отечественный физиолог, А. А. Ухтомский: «*Практические знатоки человека, мастера общественной и политической организации, давным-давно понимали, что следует не преклоняться перед инстинктами и не отрицаться от них, а пользоваться ими, как могучими источниками общественной энергии, которая затем может быть направлена на текущие задачи истории. Раздразнить инстинкт, а потом, когда людям станет невтерпёж, показать путь, более или менее обещающий удовлетворение этого инстинкта, – вот прием, обеспечивающий всегда достаточно хорошие результаты. Так, английское военное ведомство начинало в былые годы с того, что вывешивало в беднейших кварталах плакаты с изображением булок, колбас, ветчины и консервов с припискою, что все эти вещи обеспечиваются вольнонаемным матросам и солдатам Старой Британии; а довольно скоро после этого бедняки Портсмута и лондонских предместий протирали себе глаза в океане под линьками и парусами Нельсона и оказывались принужденными стать героями под Трафальгаром и Абукиром. Здравый смысл давно наловчился ловить мышь на приманку, и “не все плетутся сети пернатым”».²*

Инстинкты проявляются у человека в виде влечений – физиологических потребностей, опирающихся на безусловнорефлекторные импульсы организма. Эти влечения рационализируются у человека через систему этических и эстетических норм и возбуждаются или тормозятся в зависимости от общественных условий воспитания. Эта рационализация, тем не менее, не изменяет природной основы влечений. И эта основа неизменно проявляется, например, в экстремальных ситуациях.

Наглядный пример – поведение солдат на войне и гражданского населения в осаде. Когда над днем завтрашним повисает знак вопроса, сегодняшний день хочется прожить, как последний. А там, как говорится, «хоть потоп». Логическое мышление вытесняет жажда удовлетворения текущих капри-

зов, страстей и желаний. Люди, еще вчера следовавшие определенным поведенческим нормам, внезапно оказываются на дороге насилия, грабежей, краж, бесцельного разрушения.

Инстинктивной регуляции в условиях стихийно изменяющейся внешней среды для выживания организма оказывается далеко не достаточно. Поэтому безусловнорефлекторные постоянные связи дополняются связями временными – условнорефлекторными. Появляется другой огромный класс сигналов, являющийся отражением индивидуального опыта и обучения человека. В него входят и так называемые «вторые сигналы» – **символы, имеющие условное значение, слова, та «чрезвычайная прибавка»**, по выражению И. П. Павлова, **которая и сотворила из существа биологического существо разумное**. В формировании и изменении второй сигнальной системы – совокупности значений языка – лежит для политического психолога **ключ к созданию моделируемого гражданина, укреплению или разрушению этносов**.

Значимые признаки окружающей среды становятся для организма сигналами возможности удовлетворения определенных потребностей. Закрепляющие их **условнорефлекторные связи обеспечивают адаптацию организма к изменяющимся условиям среды и являются физиологической основой познания** в самом широком смысле. «*Познание, приспособление к действительности*», по И. П. Павлову, и есть ум.³ Незнание и непонимание связей между субъектом и внешней средой, между субъектом и другими людьми ставит под угрозу удовлетворение потребностей, а значит, и выживание в целом. Здесь-то и лежат, по И. П. Павлову, источники следования стереотипам и веры в сверхъестественное. Под воздействием инстинкта самосохранения, как пишет И. П. Павлов, человек выстраивает «*мнимые связи*»⁴ в виде суеверий, предзнаменований, одушевления сил живой природы, религиозных теорий. **Сложность и запутанность социальных связей обуславливает живучесть суррогатов социального познания – стереотипов, клише, лежащих в основе любой пропаганды и рекламы**.

Чрезвычайно значимым для политической психологии представляется и предложенный Павловым критерий адекватности мышления. Подлинное познание («*настоящий ум*») подразумевает «*познание числа и состава этой действительности*».⁵ Действительность скрыта от ума за воротами первых и вторых сигналов. Первые сигналы – плоды чувственного отражения окружающего мира (ощущение, восприятие, представление). Но «*действительность, – как писал И. П. Павлов, – может быть удалена от наблюдателя, может быть чрезвычайно мала, может быть летуча, быстра ... Ум должен разобраться во всех этих сигналах, учитывать все возможности ошибок, искажающие действительность*».⁶

¹ Павлов И. П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001, с. 127

² Ухтомский А.А. Доминанта души: Из гуманитарного наследия. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000, с. 83.

³ Павлов И. П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001, с. 123.

⁴ Там же, с. 299

⁵ Там же, с. 106.

⁶ Павлов И. П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001, с. 99.

Далее желание передать воспринятую органами чувств информацию другим возводит между умом и действительностью новый Рубикон – целый ряд вторых сигналов – «символов действительности». И здесь то слова подбираются неподходящие да неточные, то собеседник понимает что-то свое. Но и этот бастион сигналов не последний. Человек разумный способен не только различать в объектах отдельные свойства и называть их, он способен абстрагировать при этом от обозначаемого объекта и само название, сравнивать его с другими названиями и вновь обобщать. «...и наконец, когда вы дойдете до выводов, когда вы начнете оперировать с теми словесными сигналами – этикетками, которые вы поставили на место фактов, – то здесь фальсификация действительности может достигать огромнейших размеров».⁷

Впрочем, такая особенность нимало не вредит репутации современных тотемов «сигналов – этикеток» под вывеской «свобода», «справедливость», «демократия», «рынок» – путеводных звезд выборных кампаний, государственного строительства и социальных реформ. Сложно переоценить их роль и в практике политической пропаганды. Разгадка магической силы воздействия этих символов до смешного проста: «Это стремление к общим положениям, это далекое от действительности обобщение, которым мы гордимся и на которое полагаемся, есть примитивное свойство нервной деятельности».⁸

В основе адекватности мышления, по Павлову, лежит соотношение первой и второй сигнальных систем: «Один хорошо думает, но не конкретно, не реально, связь между первой и второй сигнальными системами у него довольно рыхлая, а другой, наоборот, думает также умно, также по логике, но имеет соответственно тенденцию за словом видеть реальное впечатление, то есть первые сигналы, – он с окружающей действительностью сносится сильнее, чем первый. Так что и для нормальных умов степень отношения к действительности дает себя знать: оба – умные, однако, рассуждения одного далеки от действительности, а другой подлинно отображает действительность».⁹

Склонность оперировать словами, «не соотнобразясь с действительностью», характеризует тип людей, которых можно назвать, по образному выражению одного из публицистов, «мешками из слов»; они представляют собой лакомую мишень для рекламы и политической пропаганды. **Различение «красивой словесной гимнастики», «фейерверка слов» и отражаемой ими действительности является важнейшим методологическим принципом** психолого-политического познания. Вне этого условия невозможны ни адекватная политика, ни эффективное управление, ни построение гражданского общества. Представляется, что этот принцип, сформулированный И. П. Павловым еще в начале XX века, был бы уместен и для системы

образования века информационных технологий.

Чрезвычайно значимо для политической психологии и **установленное И. П. Павловым сходство психофизиологических реакций на первые и вторые сигналы.** Это позволило изучать механизм информационного воздействия не с позиций телекинеза животных духов, самодеятельности самостийного гештальта или Я-концепции, а исходя из объективных законов высшей нервной (психической) деятельности.

Как политический психолог оценивает Павлов и проводимые в начале зарождения советской республики военные реформы. **Понимание механизма формирования автоматизированных компонентов деятельности несовместимо,** по И. П. Павлову, **с курсом на демократизацию, проводимым в иерархических структурах** (армия, государственная служба). «Военное дело – страшное дело ... оно может совершаться только при исключительных условиях. Вас берут на такое дело, где ваша жизнь каждую минуту висит на волоске. Лишь разными условиями, твердой дисциплиной можно достигнуть того, что человек держит себя в известном настроении и делает свое дело. Раз вы займете его думами о правах, о свободе, то какое же может получиться войско?»¹⁰

Другая принципиально значимая для политической психологии проблема, на которой останавливается И. П. Павлов, – это проблема становления культуры человека. Ее истоки лежат, по Павлову, в равновесии процессов возбуждения и торможения. Поскольку любая нервная деятельность предполагает существование двух неразрывно связанных между собой процессов – возбуждения («раздражения, или свободы в широком смысле»¹¹) и торможения («задерживания ... дисциплины, узды»¹²), – то хрупкое «высшее совершенство жизни, культура» покоится на уравнивании этих процессов. **Торможение призвано ограничивать хаотичность раздражения определенными рамками.** «Стоит дать перевес раздражению, и вся эта тонкость жизни разрушается».¹³

Роковой характер этой закономерности Павлов со всей наглядностью продемонстрировал на собаках: если выработана ассоциация на тон, то стоит лишь впрыснуть животному кофеин, который возбуждает нервную деятельность, усиливает процессы раздражения, и дифференциальный порог ощущения исчезает. «А вместе с ним исчезает и тонкая приспособленность к жизни, животное начинает смешивать звуки, теряет возможность тонко реагировать на действительность».¹⁴ Появляется некультурный и «не соответствующий действительности тип», обреченный в условиях естественного отбора на гибель. С другой стороны, «можно перенапрячь тормозную деятельность, и тогда получается хаотическое состояние. Животное делается большим, невзрачным, мало приспособ-

⁷ Там же, с. 100.

⁸ Там же, с. 119.

⁹ Павловские среды. М.: Наука, Т. 3, 1949, с. 320.

¹⁰ Павлов И. П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001, с. 124

¹¹ Там же, с. 136.

¹² Там же, с. 136.

¹³ Там же, с. 137.

¹⁴ Там же, с. 137.

ленным». ¹⁵ Результат, как видим, тот же.

Чем же чревата в данном случае культура «абсолютной свободы» и «произвола самовыражения», призывающая «оторваться по-полному», освободиться от родительских предрассудков, отдаться во власть инстинктов и желаний? Почему в древних культурах с таким упорством свято чтятся нелепые и отжившие, на наш взгляд, атавизмы старины в виде ритуалов, традиций, обычаев, правил предков? Потому что все это, с точки зрения физиологии высшей нервной деятельности, **«практика тормоза», без которой нет ни культуры, ни жизни.**

И в революции И. П. Павлов увидел *«освобождение от всех тормозов ... полную безудержность, безуданность ... Были законы, обычаи и т. д., все это теперь идет насмарку. Старого не существует, нового еще нет. Торможение упразднено, остается одно возбуждение. И отсюда всякие эксцессы и в области желаний, и в области мысли, и в области поведения».* ¹⁶ Аналогии с современной демократической культурой гедонизма, модернизма и постмодернизма в данном случае очевидны.

Понимание соотношения процессов возбуждения и торможения в нервной системе имеет огромное значение и для организации воспитания и образования. Под этим углом зрения И. П. Павлов рассматривает национальную систему воспитания. В наших традициях – потакать капризам ребенка, дабы не насиловать и не притеснять его права. Новейшее время институционализировало эту практику изучением школьниками своих гражданских прав в отношении родителей и педагогов. В итоге *«мы лишаем своих детей всякой практики торможения ... Вы, правда, не делаете из своего ребенка раба внешнего, он у вас свободен, но вы делаете из него раба внутреннего, раба своих влечений, желаний. Он не будет иметь над собой никакой власти, потому что у него нет способности себя тормозить, эту способность вы у него не развивали. И мы этого не понимаем. Желая руководить счастьем ребенка, мы сами же делаем его несчастным. Мы создаем лодку без руля, без кормчего».* ¹⁷

И. П. Павлову мы обязаны и открытием биологического аналога категории целеполагания в политической психологии. Аналогом этим выступает **рефлекс цели, являющийся «основной формой жизненной энергии каждого из нас».** Рефлекс цели имеет принципиальное значение для понимания значимости задания целевых ориентиров общественного и личностного развития, **выражаемых на государственном уровне посредством идеологии.** *«Жизнь только того красна и сильна, кто всю жизнь стремится к постоянно достигаемой, но никогда не достижимой цели, или с одинаковым пылом переходит от одной цели к другой».* ¹⁸ И, напротив, *«жизнь перестает привязывать к себе,*

как только исчезает цель». ¹⁹ **Вакуум политического целеполагания и национальных идеалов,** объясняемый не то узаконенным Конституцией идеологическим плюрализмом, не то предвещаемым Ф. Фукуямой логическим апокалипсисом всех идеологий, **выводит на первый план биологические цели жизнедеятельности человека и производит вакуум духовный.**

В последнее время активно муссируются в СМИ данные об оппозиции И. П. Павлова советскому режиму, подобно тому, как в советское время в печать просачивались только данные, свидетельствующие о лояльности. И то, и другое – лишь примитивное упрощение ситуации. В действительности, Иван Петрович Павлов остро переживал революционную смуту, будоражившую Россию, и, несмотря на национализацию нобелевской премии, ²⁰ несмотря на отказ в выдаче разрешения на эмиграцию, административные стычки, оставался до конца дней патриотом своей Родины.

«Я – не большевик и не разделяю их программы, – писал И. П. Павлов, – что они задумали, по моему, слишком рано, еще человеческое общество не созрело для коммунизма... Но уж если на то пошло, если двести миллионов человеческих жизней втянуты в эту опасную игру, то разум требует одного – надо им помогать, надо искоренять межживотные отношения, которые выпирают наружу». И далее: *«Просветительская деятельность сейчас является обязательной для каждого русского интеллигента и особенно для каждого ученого. Я, несмотря на свой возраст, несу бремя науки – и не только для науки, – но и для того, чтобы прославить Россию, хотя бы и большевистскую, чтобы нас признали во всем мире, а не считали дикарями, поправшими все свойственное до сих пор человеку».*

Бесценный вклад, внесенный И. П. Павловым в понимание природы психических и психолого-политических явлений, действительно сложно переоценить. Даже активно насаждавший в России психоанализ Л. Л. Троцкий был вынужден признать превосходство Павловской естественно-научной объективной психологии. *«Я, – писал он, – в течение 8 лет занимался у Фрейда психоанализом и считаю, что тот путь, которым идут психоаналитики-фрейдисты к добыванию истины, неправилен. Я представлял себе психоаналитика, смотрящего на истину, которая находится на дне глубокого колодца, сквозь мутную воду. Он прекрасно знает, что истина находится на дне глубокого колодца, но видеть ее не может. Вы же своим методом условных рефлексов сделали то, что подняли эту истину со дна колодца на поверхность и сделали ее доступной для всех».* ²¹

А. В. Забарин,
руководитель лаборатории психофизиологии
Санкт-Петербургской Академологической академии.

¹⁵ Павлов И. П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001, с. 137

¹⁶ Там же, с. 142.

¹⁷ Там же, с. 141.

¹⁸ Павлов И. П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001, с. 72.

¹⁹ Там же, с. 72.

²⁰ <http://www.allreklama.ru/md/news2.php>

²¹ http://vivovoco.nns.ru/VV/PAPERS/BIO/PAV_PATR.HTM